

Всеволод
Емелин

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

Всеволод Емелин
Пейзаж после битвы (сборник стихотворений)

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671445
Емелин В. Пейзаж после битвы: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52626-0

Аннотация

В новую книгу скандального поэта Всеволода Емелина, издаваемого над современными мифами и медийными штампами, вошли, кроме известных текстов, совершенно новые стихи, написанные в текущем году.

Содержание

Пейзаж после битвы	4
Городской романс	6
«Я жил, как вся Россия...»	8
Слова песни из к/ф «Осень на Заречной улице»	9
Маша и президент	11
О Пушкине	14
Баллада о большой любви	15
Судьбы людские	19
Песня об 11 сентября	24
Песенка об 11 сентября	26
Банальная песня	28
Экфразис	29
Ремейк	31
Одиночество	32
13-й портвейн	33
Ленин в октябре в 2005 году	36
Русский марш	38
Текст для программы, посвященной 90-летию Февральской революции и празднику Пурим	41
Подражание Дмитрию Александровичу Пригову-3	43
Про Березовского (и не только)	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Всеволод Емелин

Пейзаж после битвы

Пейзаж после битвы (март 1992 года)

С утра на небо вышло солнце.
А мне с похмелья нелегко.
Но я заначил два червонца
На жигулевское пиво.

Указ о смертном бое с пьянством
Жить нам всем долго приказал.
И я, с завидным постоянством,
С утра за пивом на вокзал.

А там крутые бизнесмены,
Палатки полные всего,
А в них искусственные члены
Гораздо больше моего.

Вибратор, вибростимулятор.
Ах, как кружится голова.
А среди них кооператор
Стоит, как Терминатор-два.

Привет вам, хваткие ребята.
Я просто счастлив видеть вас.
Теперь каюк пролетарьяту —
Вы наш господствующий класс.

Для вас сияют магазины
И носят девушки чулки.
Для вас веселые грузины
Из кошек жарят шашлыки.

Я поклонюся вам три раза,
Скажу вам русское «мерси».
Пусть большей частью вы с Кавказа,
Но вы – спасители Руси!

Страна воскреснет с новой силой,
Спасет ее капитализм.
Жаль, что меня сведет в могилу
До той поры алкоголизм.

Покуда я совсем не спился,
Сегодня в счастье и борьбе
Пью за систему бирж «Алиса»
И за тебя, РТСБ.

Я пью сегодня горько, сладко
За вас, вершители судеб,
За эту грязную палатку
И за тебя, мой «Менатеп».

Мой эксклюзивный дистрибьютер
(Звучит-то как! Эх, вашу мать!),
Постой, потом продашь компьютер,
Позволь тебя поцеловать.

1992

Городской романс

Стоит напротив лестницы
Коммерческий ларек,
В нем до рассвета светится
Призывный огонек.

Там днем и ночью разные
Напитки продают —
Ликеры ананасные
И шведский «Абсолют».

Там виски есть шотландское,
Там есть коньяк «Мартель»,
«Текила» мексиканская,
Израильский «Кармель».

Среди заморской сволочи
Почти что не видна
Бутылка русской водочки,
Стоит в углу одна.

Стоит скромна, как сосенка,
Средь диких орхидей,
И этикетка косенько
Приклеена на ней.

Стоит, как в бане девочка,
Глазенки опустив,
И стоит, в общем, мелочи,
Ивановский разлив.

Надежда человечества
Стоит и ждет меня,
Сладка, как дым отечества,
Крепка, словно броня.

Стоит, скрывая силушку,
Являя кроткий нрав.
Вот так и ты, Россиюшка,
Стоишь в пиру держав.

Ославлена, ограблена,
Оставлена врагу.
Душа моя растравлена,
Я больше не могу.

Пойду я ближе к полночи
В коммерческий ларек,
Возьму бутылку водочки
И сникерса брусок.

Я выпью русской водочки
За проданную Русь,
Занюхаю я корочкой
И горько прослежусь.

Я пью с душевной негою
За память тех деньков,
Когда в России не было
Коммерческих ларьков,

Когда сама история
Успех сулила нам,
Когда колбаска стоила
Два двадцать килограмм.

Давно бы я повесился,
Я сердцем изнемог,
Но есть напротив лестницы
Коммерческий ларек.

1992

«Я жил, как вся Россия...»

Я жил, как вся Россия,
Как травка в поле, рос.
И вот – гипертония,
И в печени – цирроз.

Стал организм мой вытерт,
Как старое пальто.
Ни закусить, ни выпить...
А жизнь тогда на что?

Мне дом родной – больница,
Хоть не пенсионер.
Вдруг весь я развалился,
Как мой СССР.

Ах, доктор, доктор, доктор.
Доктор дорогой,
Посмотрите, доктор,
Что у меня с ногой.

Скакала по паркету,
Взлетала к потолку.
Теперь до туалета
Едва доволоку.

Ах, доктор, доктор, доктор,
Доктор дорогой,
Посмотрите, доктор,
Что у меня с рукой.

Как дрались эти руки
И как ласкали грудь.
Теперь простые брюки
Не в силах застегнуть...

Скакала по паркету,
Взлетала к потолку.
Теперь до туалета
Едва доволоку.

Слова песни из к/ф «Осень на Заречной улице»

Уж не придет весна, я знаю.
Навеки осень надо мной.
И даже улица родная
Совсем мне стала не родной.

Среди моих пятиэтажек,
Где я прожил недолгий век,
Стоят мушкетеры в камуфляже
И сторожат какой-то Банк.

Как поздней осенью поганки
Мелькают шляпками в траве,
Повырастали эти банки
По затаившейся Москве.

Сбылись планы Тель-Авива.
Мы пережили тяжкий шок.
И где была палатка «Пиво»,
Там вырос магазин «Night Shop».

И пусть теснится на витрине
Различных водок до фиго,
Мне водка в этом магазине
В любое время дорога.

Смотрю в блестящие витрины
На этикетки. Ярлычки.
Сильнее, чем от атропина,
Мои расширены зрачки.

Глаза б мои на вас ослепли,
Обида скулы мне свела,
Зато стучат в соседней церкви,
Как по башке, в колокола.

И я спрошу Тебя, Спаситель,
Распятый в храме на стене:
«По ком вы в колокол звоните?
Звоните в колокол по мне!»

По мне невеста не заплачет,
Пора кончать эту фигню.
Не знаю – так или иначе,
Но скоро адрес я сменю.

Зарежут пьяные подростки,
Иммунодефицит заест,
И здесь, на этом перекрестке,
Задавит белый «Мерседес».

На окровавленном асфальте
Размажусь я, красив и юн,
Но вы меня не отпевайте,
Не тычьте свечки на канун.

Без сожаленья, без усилья,
Не взяв за это ни рубля,
Меня своей епитрахилью
Накроет мать-сыра земля.

Кончаю так – идите в жопу,
Владейте улицей моей,
Пооткрывайте здесь найт-шопов,
Секс-шопов, банков и церквей.

1995

Маша и президент

На севере Родины нашей,
За гордым Уральским хребтом,
Хорошая девочка Маша
У мамы жила под крылом.

Цвела, как лазоревый лютик.
Томила, как сотовый мед.
Шептали вслед добрые люди:
«Кому-то с женой повезет».

Но жизнь – это трудное дело,
В ней много встречается зла.
Вдруг мама у ней заболела,
Как листик осенний, слегла.

Лежит она, смеживши веки,
Вот-вот Богу душу отдаст.
А Маша горюет в аптеке,
Там нету ей нужных лекарств.

Сидит, обливаясь слезами,
Склонивши в печали главу.
Да умные люди сказали:
«Езжай-ка ты, Маша, в Москву».

Живет там глава государства
В тиши теремов и палат,
Поможет достать он лекарство,
Ведь мы его электорат».

Ее провожали всем миром,
Не прятая искренних слез.
Никто не сидел по квартирам.
Угрюмо ревел тепловоз.

Вслед долго платками махали,
Стоял несмолкаемый стон.
И вот на Казанском вокзале
Выходит она на перрон.

Мужчина идет к ней навстречу.
«Отдай кошелек», – говорит.
А был это Лева Корейчик,
Известный московский бандит.

Вот так, посредине вокзала
Наехал у всех на виду,
Но Маша ему рассказала
Про горе свое и беду.

Тут слезы у Левы как брызги,
Из глаз потекло, потекло...
Воскликнул он: «Чисто по жизни
Я сделал сейчас западло.

Чтоб спать мне всю жизнь у параша,
Чтоб воли мне век не видать
За то, что у девочки Маши
Я деньги хотел отобрать.

Достанем лекарство для мамы,
Не будь я реальный пацан,
Начальник кремлевской охраны —
Мой старый и верный друган.

Чтоб мне не родиться в Одессе,
Не буду я грабить сирот». —
Довез он ее в «Мерседесе»
До самых кремлевских ворот.

И впрямь был здесь Лева свой в доску,
Так жарко его целовал
Начальник охраны кремлевской,
Высокий седой генерал.

Усы генерала густые,
Упрямая складка у рта,
Под сердцем Героя России
Горит золотая звезда.

Поправил он в косах ей ленту,
Смахнул потихоньку слезу,
И вот в кабинет к президенту
Он нашу ведет егозу.

На стенах святые иконы,
Огромное кресло, как трон,
Стоят на столе телефоны.
И красный стоит телефон.

Притихли у двери министры.
Премьер застыл, как монумент.
А в кресле, на вид неказистый,
Российский сидит президент.

Взвopil он болотную выпью,
Услышавши Машин рассказ.
«Я больше ни грамма не выпью,
Раз нету в аптеках лекарств».

Не веря такому поступку,
Министры рыдают навзрыд.
Снимает он красную трубку,
В Америку прямо звонит.

«Не надо кредитов нам ваших,
Не нужно нам мяса, зерна.
Пришлите лекарство для Маши,
Ее мама тяжко больна».

На том конце провода всхлипнул,
Как будто нарушилась связь,
А это всем телом Билл Клинтон
Забился, в рыданиях трясась.

Курьеры метались все в мыле,
Умри, но лекарство добудь.
И Моника с Хиллари выли,
Припавши друг другу на грудь.

И вот через горы и реки
Летит к нам в Москву самолет,
А в нем добрый доктор Дебейки
Лекарство дня Маши везет.

Да разве могло быть иначе,
Когда такой славный народ.
Кончаю и радостно плачу,
Мне жить это силы дает.

1999

О Пушкине (из цикла «Смерти героев»)

Застрелил его пидор
В снегу возле Черной речки,
А был он вообще-то ниггер,
Охочий до белых женщин.

И многих он их оттрахал
А лучше бы, на мой взгляд,
Бродил наподобье жирафа
На родном своем озере Чад.

Играл бы в Гарлеме блюзы,
Но поэтом стал, афрорусский.
За это по всему Союзу
Ему понаставили бюсты

Из гипса, бронзы и жести
На книжках, значках, плакатах.
Он всех нас за эти лет двести
Не хуже, чем баб, затрахал.

Но средь нас не нашлося смелых,
Кроме того пидараса,
Что вступился за честь женщин белых
И величие арийской расы.

1999

Баллада о большой любви

В центре Москвы историческом
Ветер рыдает навзрыд.
Вуз непрестижный, технический
Там в переулке стоит.

Рядом стоит общежитие,
В окнах негаснущий свет.
И его местные жители
Обходят за километр.

В общем, на горе Америке,
И познакомились там
Соня Гольдфинкель из Жмеринки
И иорданец Хасан.

Преодолевши различия
Наций, религий, полов,
Вспыхнула, как электричество,
Сразу меж ними любовь.

Сын бедуинского племени
Был благороден и мил,
Ей на динары последние
Джинсы в «Березке» купил.

Каждой ненастной полночью,
Словно Шекспира герой,
Он к своей девушке в форточку
Лез водосточной трубой.

Утром дремали на лекциях,
Белого снега бледней.
Нет такой сильной эрекции
У пьющих русских парней.

Крик не заглушишь подушкой,
Губы и ногти в крови.
Все общежитие слушало
Музыку ихней любви.

Фрикции, эякуляции
Раз по семнадцать подряд.
Вдруг среди ночи ворвался к ним
В комнату оперотряд.

Если кто не жил при Брежнев,
Тот никогда не поймет
Время проклятое прежнее,
Полное горя, невзгод.

Как описать их страдания,
Как разбирали, глумясь,
На комсомольском собрании
Их аморальную связь.

Шли выступления, прения,
Все, как положено встарь.
Подали их к отчислению,
Джинсы унес секретарь.

Вышел Хасан, как оплеванный,
Горем разлуки убит,
Но он за кайф свой поломанный
Ох, как еще отомстит.

И когда армия Красная
Двинулась в Афганистан,
«Стингером», пульей, фугасами
Там ее встретил Хасан.

Русских валил он немерено
В первой чеченской войне,
Чтобы к возлюбленной в Жмеринку
Въехать на белом коне.

Сколько он глаз перевыколол,
Сколько отрезал голов,
Чтоб сделать яркой и выпуклой
Эту большую любовь.

В поисках Сони по жизни
Перевернул он весь мир,
Бил он неверных в Алжире,
В Косово, в штате Кашмир.

Так и метался по свету бы,
А результатов-то – хрен.
Дело ему посоветовал
Сам Усама бен Ладен.

В царстве безбожья и хаоса,
Где торжествует разврат,
Два призматических фаллоса
В низкое небо стоят.

Там ее злобные брокеры
Спрятали, слово в тюрьму,
Но в эти сакли высокие
Хоуда нема никому.

Екнуло сердце Хасаново,
Хитрый придумал он план
И в путь отправился заново,
Взяв с собой только Коран.

Ну а в далекой Америке
Тужит лет десять уже
Соня на грани истерики
На сто втором этаже.

Пусть уже больше ста тысяч
Личный доход годовой,
Пальчиком в клавиши тычет,
Грудь ее полна тоской.

Счастье ее, на востоке ты,
Степи, березы, простор...
Здесь только жадные брокеры
Пялят глаза в монитор.

Горькая жизнь, невеселая,
Близится старость и мрак.
Знай запивай кока-колою
Осточертевший бигмак.

Вдруг задрожало все здание,
Кинулись к окнам, а там —
Нос самолета оскаленный,
А за штурвалом – Хасан.

Каждый, готовый на подвиги,
Может поспорить с судьбой.
Вот он влетает на «Боинге»
В офис своей дорогой.

«Здравствуй, любимая!» – в ухо ей
Крикнул он, выбив стекло.
Оба термитника рухнули,
Эхо весь свет потрясло.

Встречу последнюю вымолив,
Мир бессердечный кляня,
За руки взялись любимые,

Бросились в море огня.

Как вас схоронят, любимые?
Нету от тел ни куска.
Только в цепочки незримые
Сплавилась их ДНК.

Мы же помянем, как водится,
Сгинувших в этот кошмар.
Господу Богу помолимся...
И да Аллаху акбар!

2001

Судьбы людские

«Гаврила был».

Н. Ляпис-Трубецкой

«Постойте, господин хороший, —
Спросил бездомный инвалид, —
Подайте мелочи немножко,
Моя душа полна обид.

Я в жизни претерпел немало,
Мои немотствуют уста,
Отец мой пил, а мать гуляла,
Я из Сибири, сирота.

Я с детства слышал, как кряхтела,
Шипела сладострастно мать,
Под гарнизонным офицером
Скрипела шаткая кровать.

Но как-то ночью пьяный тятя,
Вломившись в избу со двора,
Пресек навеки скрип кровати
Одним ударом топора.

Убив маманю с офицером,
Тела их расчленив с трудом,
Сосватал высшую он меру,
Меня отправили в детдом.

И вот я, маленькая крошка,
В рубашку грубую одет.
Кормили мерзлой картошкой,
Макали носом в туалет.

Там били шваброй и указкой,
Там не топили в холода,
Там я совсем не видел ласки,
А только горестно страдал.

Там лишь в сатиновом халате
К нам в спальню ночью заходил
Заслуженный преподаватель,
Садист и гомопедофил.

Так проходили дни за днями,
Мне стукнуло шестнадцать лет,

Казенную рубаху сняли
И выгнали на Божий свет.

Лишь пацаны мне помогали,
Когда я вышел налегке,
Нашли работу на вокзале,
Пристроили на чердаке.

Но кто-то не платил кому-то,
И вдруг, ворвавшись на вокзал,
Где я работал проституттом,
Наряд ментов меня забрал.

И врач сказал в военкомате,
Куда привел меня конвой:
– Дистрофик, гепатит, астматик.
И вывод – годен к строевой.

И вот в Чечню нас отправляет
Российский Генеральный штаб.
Дрожи, Басаев и Гелаев,
Беги, Масхадов и Хаттаб.

Но там в горах за двадцать баксов,
Не вынеся мой скорбный вид,
Меня к чеченам продал в рабство
Герой России, замполит.

Я рыл для пленников зинданы,
Сбирал на склонах черемшу,
Я фасовал марихуану,
Сушил на солнце анашу,

Но что возьмешь с меня, придурка,
Раз обкурившись через край
От непогасшего окурка,
Я им спалил весь урожай.

Ломали об меня приклады,
Ногами били по зубам,
Но в честь приезда лорда Джадда,
Решили обратить в ислам.

В святой мечети приковали
Меня к специальному столу,
Штаны спустили, в морду дали
И стали нервно ждать муллу.

Вошел мулла в своем тюрбане,

Взглянул и выскочил опять,
Крича: «Аллах, отец созданий!
Смотри, да что там обрезать?»

Нога чечен пинать устала.
Так и пропала конопля.
Меня прогнали к федералам
Прям через минные поля.

Вокруг меня рвалось, я падал,
Потом уже издалека
По мне ударили из «Града»
Родные русские войска.

А я все полз, все полз сквозь взрывы
И, лишь услышав громкий крик:
«Стой, бля! Стреляю! В землю рылом!»
Я понял, что среди своих.

Неделю мучился со мной
Из контрразведки дознаватель.
Сперва подумали – герой,
Потом решили, что предатель.

Уже всю мне шили дело,
Готовил ордер прокурор.
Меня в санчасти пожалела
Простая женщина-майор.

Анализ взяв мочи и кала
И кровь из пальца и из вен,
Она меня комиссовала
С диагнозом – олигофрен.

Вот полужансен порошей,
Сижу, бездомный инвалид.
Подайте, господин хороший,
В моей груди огонь горит».

Но господин в английской шляпе
И кашемировом пальто
Ответил бедному растяпе:
«Ты говоришь щас не про то.

Я – состоятельный мужчина,
А ты сидишь и ноешь тут.
А в чем, по-твоему, причина?
Всему причина – честный труд.

Я тоже видел в детстве горе.
Я не гонял, как все, собак.
Учился я в английской школе,
Чтоб в жизни сделать первый шаг.

И от отца мне доставалось,
Он не миндальничал со мной.
Из-за графы – национальность
Он был тогда невыездной.

Как трудно с пятым пунктом этим,
Пройдя сквозь множество препон,
Мне было в университете
Быть комсомольским вожаком.

И оказаться в моей шкуре
Никто б, уверен, не был рад,
Когда писал в аспирантуре
Я ночью к празднику доклад.

С таким балластом бесполезным
Тебе подобных чудаков
Нам поднимать страну из бездны
Сейчас, ты думаешь, легко?

Нам всем и каждому награда
За труд даруется судьбой.
Кончай дурить! Работать надо!
Работать надо над собой!

Служу я в фонде «Трубный голос»,
И мне выплачивает грант
Миллиардер известный Сорос,
Когда-то нищий эмигрант.

Не уповал на чью-то милость
И не бросал на ветер слов,
А взял да и придумал «Windows»
Билл Гейтс – владелец «Microsoft».

А разве нет у нас примеров?
Примеры есть, и не один.
Вагит, к примеру, Алекперов,
Да тот же Павел Бородин.

Чем здесь сидеть, словно придурок,
Перебирать гроши в горсти,
Попробуй что-нибудь придумать,
Чего-нибудь изобрести.

От денег толку будет мало,
Но я даю тебе совет,
А также книгу для начала
«Как мне освоить Интернет».

Тут господин взглянул на «Ролекс»
И заспешил своим путем,
Чтобы успеть с обеда в офис,
Поправив папку под локтем.

Бродяга подоткнул пальтишко,
Припрятал собранную медь,
Открыл подаренную книжку
И стал «Введение» смотреть.

Так разошлись на перекрестке.
А кто был прав? Поди пойми.
Такие хитрые загвоздки
Жизнь часто ставит пред людьми.

2001

Песня об 11 сентября

Есть в Нью-Йорке 2 офисных центра,
Что стоят на обрыве крутом,
Высотой по 400 метров,
Из них видно далеко кругом.

Но ужасное дело случилось —
В каждый билдинг влетел самолет.
Они вспыхнули, как две лучины.
Шел 2001 год.

Заливало счета керосином,
Как спагетти, сгибался металл.
Программист из далекой России
У компьютера пост не бросал.

Приближалось багровое пламя,
Персонал, обезумев, ревел.
Он в Малаховку старенькой маме
Посылал этот текст на e-mail.

Не убит я в сражении пульей,
Не тону я среди бурных морей,
Как пчела в загоревшемся улье,
Жду я смерти в ячейке своей.

Я имел здесь хорошие виды,
Я PR и маркетинг учил.
Отчего ж злой пилот «Аль-Каиды»
Нас с тобой навсегда разлучил.

Я умел зарабатывать баксы,
Я бы мог даже выйти в мидлл-класс.
Из-за спорной мечети Аль-Акса
Замочили в сортире всех нас.

Через месяц мне б дали грин-карту,
Сразу в гору пошли бы дела.
Сколько сил, сколько нервов насмарку,
Ах, зачем ты меня родила?

Не побрившись, не сосредоточась,
Даже рук вымыть некогда мне,
Ухожу я в неведомый офис,
Где не спросит никто резюме.

Так прощай навсегда, моя прелесть,
Никогда уж не встретиться нам.
Вот уж ноги мои загорелись,
Подбирается пламя к рукам.

Вспоминай своего ты сыночка,
Дорогая, любимая мать...
Не успел тут поставить он точку,
Начал вдруг небоскреб проседать.

Словно лифт, опустившийся в шахту,
Как в бездонный колодец ведро,
Небоскреб вдруг сложился и ахнул,
Сверху сделалась зона zero.

Тучи пыли вставали в эфире,
Репортеры срывались на крик.
А народ ликовал во всем мире,
Что Америке вышел кирдык!

2001

Песенка об 11 сентября

Рейсом «Пан Американо»
Взмах рукою из окна
Там за морем-океаном
Есть блаженная страна.

Словно два хрустальных гроба,
Вертикально на попа
Там стоят два небоскреба,
А вокруг шумит толпа.

Как в водоворот сортира,
Как на лампочку из тьмы,
Со всего большого мира
К ним стекаются умы.

Там достойная работа,
Там возможности расти,
Продавай «Дженерал моторс»,
Покупайте «Ай-Ти-Ти».

И стоять бы башням вечно,
Да подумали враги:
Не Аллаху это свечки,
А шайтану кочерги.

Рейсом «Пан Американо»
Курсом прямо на закат
Два отважных мусульмана
Отправлялись на джихад.

Прозевала их охрана,
Как орлы, поднявшись ввысь,
Вдруг достали ятаганы
И к пилотам ворвались.

И два «Боинга» воткнули,
Отомстив неверным псам,
Как серебряные пули,
Прямо в сердце близнецам.

Все дымило, все кровило,
Как в компьютерной игре.
Это было, было, было,
Это было в сентябре.

Кверху задранные лица,
Весь Манхэттен запыля,
Две огромных единицы
Превратились в два нуля.

Звон стекла, и скрежет стали,
Вой сирен, пожарных крик...
Мусульмане ликовали,
Что Америке кирдык.

Горы гнутого железа,
Джорджа Буша злой прищур.
Я-то вроде не обрезан,
Отчего ж я не грущу?

У меня друзья евреи,
Мне известен вкус мацы.
Почему ж я не жалею
Эти башни-мертвецы?

Может, лучше бы стояли,
Свет во тьме, где нет ни зги,
И, как в трубы, в них стекали
Наши лучшие мозги.

Там теперь круги развалин,
Вздохи ветра, тишь да гладь.
А нам с этими мозгами,
Значит, дальше куковать.

2001

Банальная песня

Ах, белые березы
Срубили не за грош,
Пошел мой нетверезый,
Да под чеченский нож.

Прощался с ним по-старому
Весь бывший наш колхоз
С гармошкой, да с гитарою,
Да с песнею до слез.

Прощай ты, моя лапонька,
Смотри не ссучься тут,
Чечены за контрактника
И выкуп не берут.

За государства целостность,
За нефтяной запас
Спит с горлом перерезанным
Несчастный контрабас.

Стоит угрюмым вызовом
Несдавшийся Кавказ,
Маячит в телевизоре
Ведущий-пидарас.

Но спит контрактник кротко,
Не видит этих рож.
Теперь с дырявой глоткой
Уж водки не попьешь.

Не держит горло воздух,
А он в горах хорош...
Ах, белые березы
Срубили ни за грош.

Экфразис

Октябрьским вечером, тоскуя,
Ропщу на скорбный свой удел
И пью я пятую, шестую
За тех, кто все-таки сумел

Ответить на исламский вызов —
Семьсот заложников спасти.
И я включаю телевизор,
И глаз не в силах отвести.

Как будто в трауре невесты,
В цветенье девичьей поры
Сидят чеченки в красных креслах,
Откинув черные чадры.

Стройны, как греческие вазы,
Легки, как птицы в небесах,
И вместо кружевных подвязок,
На них шахидов пояса.

Они как будто бы заснули,
Покоем дышит весь их вид,
У каждой в голове по пуле,
На тонких талиях пластид.

Их убаюкивали газом,
Как песней колыбельной мать,
Им, обезвреженным спецназом,
Не удалось себя взорвать.

Над ними Эрос и Танатос
Сплели орлиные крыла,
Их, по решению депутатов,
Родным не выдадут тела.

Четыре неподвижных тела
В щемящей пустоте рядов
Исчадья лермонтовской Бэлы
И ниндзя виртуальных снов.

Сидят и смотрят, как живые,
Не бросив свой последний пост
Теперь, когда по всей России
Играют мальчишки в «Норд-Ост».

2002

Ремейк

...А я помню только стену

С ободранными обоями.

А. Родионов

И я тоже входил вместо дикого зверя в клетку.
Загоняли меня, как макаку, менты в обезьянник.
В подмосковной крапиве тянул землемера рулетку
И уже с восемнадцати лет разучился блевать по пьяни.

Набивал коноплей мятые гильзы «Памира»,
Заливали врачи в мою кровь океан физраствора.
На подпольных тусовках сидел с улыбкой дебила,
Из не давших мне можно составить город.

Изучал по книжкам проблемы пола,
Шлифовал ступени святого храма,
И страшнее глюков от циклодола
Видел только глюки от паркопана.

Ел таежный снег в бурых пятнах нефти,
Вел неравный бой с материнским гнетом,
И дрочил в общественном туалете
На рекламу белья в каталоге «ОТТО».

Забивался в чужие подъезды на ночь,
До тех пор пока не поставили коды,
И не знаю, уж как там Иосиф Алексаныч,
А я точно не пил только сухую воду.

Собрал пункты анкеты со знаком минус:
Не сидел, не служил, не имею орден.
Одевался в чужие обноски на вырост,
И лишь только ленивый не бил мне по морде.

Что сказать мне о жизни? Что оказалась короткой,
В ней опущен я был и опидарасен,
Но покуда рот мой глотает водку,
Из него раздаваться будет хрип: «Не согласен!»

2004

Одиночество

*И не одиночество желание поссать на снег,
Да нет, вот если поссать на снег – тогда да, того...*

А. Родионов

Да, ты прав, Андрей, это не одиночество ссать на снег,
Да и срать на снег тоже как-то не очень-то.
А вот дрочить на снег, глядя на люминесцентный свет,
И пытаться попасть его мерцанию в такт, когда, в общем,
не дрочится.

Вот допустим, стоит человек в ночи,
Он давно позабыл свое имя и отчество,
Но он существует, а следовательно – дрочит,
Потому что ему тоже радости хочется.

Свершает он свой рукоблудный грех
Где-то в темном дворе, в спальнях районах за Теплым
Станом.

И холод ползет под лобковый мех,
И снег скрипит под ногой подобно пластиковым стаканам.
Наступит ведь время, когда даже мент
Побрезгует шарить у тебя по карманам.

Что-то он кушал, где-то он жил,
Когда-то даже бывал он трезвый,
Но теперь вокруг только ракушки-гаражи,
Да стайка подростков на детской площадке ждет его,
чтобы зарезать.

Вот дожить бы ему до весны, когда станет тепло,
И все божьи твари начнут плодиться и размножаться,
Но на дворе февраль, пальцы правой руки свело,
Что неудивительно при температуре минус пятнадцать.

Люминесцентный свет все-таки не порнофильм,
Как ни старался, ни бился, но так и не кончил он.
И от сугроба к сугробу куда-то побрел один.
А мне показалось, что вот оно, одиночество.

13-й портвейн

Едва период мастурбации
В моем развитии настал,
Уже тогда «Портвейн 13-й»
Я всем другим предпочитал.

Непризнанный поэт и гений,
Исполненный надежд и бед,
Я был ровестником портвейна —
Мне было лишь тринадцать лет.

Я был угрюмым семиклассником,
Самолюбивым и несчастным,
И подтирал я сперму галстуком,
Как знамя коммунизма, красным.
(Короче, мучился ужасно я
Покуда не нашел лекарство.)

И много раз бывал родителями
Застигнут в этот миг случайно,
Любая тварь после соития,
По Аристотелю, печальна.

Так, насладившись в одиночестве
Мятежной плотию своей,
Я понимал, какой порочный я,
Пропаций рукоблудодей.

И, чтоб скорей из мозга стерлися
Похабные галлюцинации,
В сознание собственной греховности
Я за портвейном шел «13-м».

От ощущенья безвозвратной
Развратной гибели моей
Меня, как добрый терминатор,
Спасал «13-й портвейн».

Тогда я не был суеверен,
Агностик, троечник и пьяница,
И мог «13-й портвейн»
Бесстрашно пить даже по пятницам.

Еще не очень разбирался я,
Кто там татарин, кто еврей,
Кто представитель братской нации,

А кто враждебных нам кровей,
Но знал – «13-й портвейн» —
Гармония цены и качества.

Его мы пили пионерами
В те непростые времена,
Когда ни штопора-то не было,
Ни закуси, ни стакана.

Его открыть гвоздем железным
Любая школьница могла.
Он шел из банки майонезной,
А еще лучше из горла (вариант «со ствола»).

В подъездах без замков, без кодовых,
На стройплощадках без охраны
Его глотали, словно воду мы,
Не разливая по стаканам.

А времена были спокойные,
Менты еще без автоматов,
Кругом явления застойные,
Везде уборные бесплатные.

Террор случался только в Чили,
Где был у власти Пиночет.
Тогда в сортирах не мочили,
Как обещал нам президент.
Там только пили и драчили,
Ну и еще один момент...
А если вру насчет сортиров,
Пусть подтвердит Тимур Кибиров.

Там загородочки фанерные
Скрывали крошечные кельи,
Там поцелуй мои первые
Пахли «13-м портвейном».

Вот унитаз журчит нам ласково,
С бутылкой рядом я стою...
Так море, бабы и шампанское
Ворвались властно в жизнь мою.

И только горлышки зеленые
В моем качаются мозгу,
И очи синие, бездонные...
Пиздец, я больше не могу.

P.S. В городском саду цветет акация,

Снова стать березкой хочет пень.
Ты ж меня сгубил навек, «13-й»,
Отроческий, сладкий мой портвейн.

2005

Ленин в октябре в 2005 году

А ведь выкинут, сволочи, выкинут...
Вот и Слиска уж, и Матвееenko...
Привезли Ильина с Деникиным,
Ильича же под жопу коленкой.

Сколько лет лежал в формалине,
Никого-то пальцем не трогал.
На асфальт среди скрещенных линий
Его выкинут на дорогу.

Неужели и вправду, товарищи,
По приказу буржуйской власти
Сволокут на Волчье кладбище
Все его составные части?

Сволокут под пьяные крики,
Под церковное сладкое пение.
Нате вам Ильина с Деникиным,
А за это отдайте Ленина.

Нет, не в курсе мое поколение,
Чего там написал Ильин,
Но все помнят работу Ленина
«Как нам реорганизовать РАБКРИН».

Кто ж на бой ради жизни достойной
Призовет нас с броневика?
Кто простому солдатику в Смольном
Объяснит, где достать кипятка?

Ведь ни Матвееenko, ни Слиска
Написать не сумеют ни в жизнь
Ничего похожего близко
На «Материализм и эмпириокритицизм».

Тело, правившее историей,
Станет пищей червей и тления,
И настанет на нашем просторе
Сразу полное примирение.

Стоит Ленина вслед за Сталиным
Взять и вычистить из Мавзолея —
Придет русское национальное
К нам единство и примирение.

Что ж, с почином вас всех великим!
Только с кем теперь примиряться нам?
Лозунг «Все на борьбу с Деникиным!»
Актуален, как в девятнадцатом.

А не точка ли здесь бифуркации?
(Термин из теории хаоса.)
Вдруг пойдут такие реакции...
Мало, блядь, никому не покажется.

2005

Русский марш

Плакала мамаша,
Кутаясь в платок:
«Ой, на «Русский марш» ты
Не ходи, сынок.

Ветер гонит тучи
Клонит дерева.
Там тебя замучат
Злые антифа.

Вдавят тебя в стену
Станции метро,
Попадешь чечену
Прямо на перо.

Ты куда собрался?
Глянь, черней ворон
В латах марсианских
Сходится ОМОН.

Выведут без счета
Псов на свой народ,
Тут и водометы,
Тут и вертолет.

Злобные собаки
Рвутся с поводков,
Строим автозаки
Ждут вас, дураков.

Если им охота,
Пусть друзья твои
Все идут в пехоту
Для ДПНИ.

Мало ль в околотке
Есть у нас ребят?
Обойдется Поткин,
Чай, и без тебя».

«Слушать, мама, грустно
Этот разговор.
Ясны ваши чувства,
Но какой позор,

Что в народный праздник,
Граждане страны,
Мы под страхом казни
Прятаться должны.

Что нам скажут предки,
Дорогая мать,
Если будем в клетке
Дальше куковать?

Были же мужчины
В нашем государстве!
Гражданин К. Минин
И князь Д. Пожарский.

Их не автозаки
На пути встречали,
Гордые поляки —
Крылья за плечами.

Не ОМОНа клюшки
И не водомет,
Били по ним пушки
С крепостных высот.

Все вокруг калеча,
Шли живой волной.
Их секли картечью,
Жгли со стен смолой.

Лезли вверх по доскам,
Понимали ведь:
За стеной кремлевской
Живет наша смерть.

Хрип надсадный в горле
Рвался, как струна,
Но упрямо перли
Супротив рожна.

Так без плача, тихо
Объясни мне, мать,
Пращуров таких я
Как могу предать?»

Мать скрутила с силой
Уголки платка
И перекрестила
Голову сына.

2006

Текст для программы, посвященной 90-летию Февральской революции и празднику Пурим

Тоже мне революция,
Всюду ложь и измена.
Ни тебе конституции,
Ни севрюжины с хреном.

Вон мента, то есть, тьфу, пардон,
Вон жандарма зарезали,
И достали со всех сторон
Льющейся марсельезою.

В Думе всяк депутатишка
Нацепил красный бант.
Негде взять царю-батюшке
Пулеметных команд.

Ничего, скоро царь им,
Ох, покажется сладким,
Едут уж из Швейцарии
К ним Ульяновы-Бланки.

Кудри черные вьются
У чудесных грузин.
Нет, не зря революция
Совпадает с Пурим.

Чем словами крамольными
Жечь народные массы,
Вы бы лучше припомнили
Этот праздник ужасный.

Истреблялись убийцами
Благородные персы,
Наши братья арийские,
По вине Артаксеркса.

Он интригой придворною
Разведен был, как фраер,
Хитрой пятой колонною
Во главе с Мардехаем.

Подкрадались таинственно
И мочили в сортире.
Все про это написано

В Белой книге Эсфири.

Их давили, давили,
Отрезали им уши.
А теперь эта линия
Продолжается Бушем.

Его администрация
Не оставит в покое
Этих бедных иранцев
С мудрым аятоллою.

Лепят миру горбатого,
Собирают армаду
Против мирного атома
Президента Нежада.

Вопрошаю я с подиума:
С кем вы, люди искусства?
Заступитесь за родину
Нашего Заратустры!

2007

Подражание Дмитрию Александровичу Пригову-3

Вот Средний Класс спускается в подъезд,
Вот он выходит на автостоянку,
Конечно, у него не «Мерседес»,
Но у него своя есть Иномарка.

Он энергичен, словно Билли Гейтс,
Он съел свой легкий и полезный завтрак,
Ему не нужен даром «Мерседес»,
Ведь он в свою садится Иномарку.

Пусть пока весь его внешний вид
Являет собой некоторую странность,
В дальнейшем он многопартийность нам сулит,
А главное, сулит нам толерантность.
Он армию контрактную сулит
И общество гражданское сулит,
Но главное, сулит нам толерантность.

Пусть не завтра и не послезавтра,
Но все равно ведь все-таки сулит.
Ведь правда же сулит?
Сулит? Скажи, сулишь?
Сулишь? Сулишь, скотина?
Сулит.

2007

Про Березовского (и не только)

Хватит гадить, англичаночка,
Прекращай свой маскарад
Отдавай Борис Абрамыча,
Отдавай родного взад.

Он полонием из баночки
Отравил наших ребят,
Отдавай Борис Абрамыча,
Отдавай-ка гада взад.

Поведет его по просеке
В телогреечке конвой.
А пока под психов косите,
Хрен вам, а не Луговой.

Вы не строгие родители —
Нам тут делать экзекуцию.
Свои мозги измените вы,
А не нашу конституцию.

Хорошо на вашем острове,
Где традиции монархии.
Здесь пожил б в девяностые
Под пятою олигархии.

Были годы девяностые
Беспросветными и длинными,
Над Россией Березовский
Распростер крыла совиные.

Секретарь сов. безопасности,
Попирая честь и право,
Сбережения пролетарские
Прокрутил в альянсе АВВА.

Люди, что ему поверили,
Погибали под забором.
Он сверкал плешивым черепом
По кремлевским коридорам.

На хрена его пустили

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.